

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Татьяны Рудольфовны Копыловой «Молчание как лингвокогнитивная категория», представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Тема диссертации Т. Р. Копыловой привлекает внимание своей масштабностью и многогранностью. Обращение к когнитивному аспекту языковой деятельности неизменно приводит к комплексу явлений, подлежащих исследованию. К таким явлениям относится молчание, рассматриваемое в диссертации как компонент коммуникативного процесса. Когнитивный подход к явлению молчания ведет к осмыслению человеческой личности и способов ее репрезентации в коммуникативно-ментальной сфере сквозь призму языковой картины мира. Он представляется перспективным и целесообразным в свете заявленной цели работы.

Молчание, его природа и статус в коммуникации давно привлекают внимание исследователей, что определяет различные взгляды на это явление. В работе Т. Р. Копыловой молчание впервые представлено как лингвокогнитивная категория, объединяющая две сферы: языковую и ментальную, во взаимодействии которых человек проявляет себя как мыслящий индивидуум. Именно это определяет **актуальность** темы для современной лингвистики.

Молчание привносит в коммуникацию дополнительные смыслы, выявление и интерпретация которых позволяет коммуникантам полнее воспринимать информацию, а значит, предоставляет им больше возможностей для деятельности. Изучение молчания в рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы, по словам автора работы, «переносит акцент с нулевого текста на его создателя и интерпретатора, носителей определенного языкового сознания» (с.13). Это обстоятельство определяет все аспекты **научной новизны** исследования, в котором на обширном языковом материале (русском, польском, испанском) описываются этапы формирования молчания,

выявляется его типологическая семантика и смысловой потенциал, позволяющие молчанию выступать эквивалентом различных сообщений (Гл.3, 4). Отсутствие в современном лингвистическом дискурсе единообразия в понимании молчания, его статуса и функций приводят автора работы к необходимости выработать терминологию, позволяющую составить многоаспектное описание исследуемого явления. Апробированный в диссертации метаязык научного описания молчания «как феномена человеческого общения» (с.70) представляется значимым для лингвистики результатом.

Убедительно и последовательно представлена в исследовании структура смыслов, передаваемых различными типами молчания. Рассмотрение функциональных особенности молчания с точки зрения восприятия и интерпретации молчания адресатом, а также с учетом зависимости интерпретационных результатов от лингвокультурной традиции, к которой принадлежит интерпретатор, создает многоаспектную картину, адекватно отражающую порождаемые молчанием прагматический и коммуникативный эффекты (с.93-97, 111-114).

Выстраиваемая на основании подобного подхода классификация типов молчания выглядит убедительной и функционально оправданной. Ведущий принцип деления молчания на безэквивалентное и эквивалентное, «имеющее альтернативу в виде речевого высказывания, поступка или целого события, а также компонентов невербального общения» (с.92), позволяет выявить в двух подгруппах особые черты молчания в различных коммуникативных ситуациях. Таким образом, можно утверждать, что в работе представлена тщательно разработанная научно-методическая база, введены категориальные понятия и терминология, что безусловно определяет перспективы работы и результативность аналитической части.

Коммуникативный потенциал молчания последовательно раскрывается на протяжении всего исследования. При этом данные анализа материала классической литературы гармонично дополняются экспериментальными

данными, иллюстрирующими восприятие молчания представителями русской и испанской лингвокультур (с.198), а также демонстрирующими функции молчания в бытовой коммуникации (с.214-275). Ценность подобного соположения состоит в демонстрации единства заложенных в культурной практике и воплощенных в языковой деятельности принципов применения и интерпретации эквивалентного молчания. Эксперимент подтверждает вывод автора о том, что «молчание как текст — это интерпретация его адресатом» (с.132) и убеждает в целесообразности термина «коммуникативно значимое молчание», понимаемого как «текст во взаимодействии, знак» (с. 90) и всегда являющегося «интенциональным» (с.137).

Лингвокультурная категория молчания оказывается национально обусловленной и этноспецифической для русского языкового и ментального пространства, что подтверждается анализом языкового материала. Представленное в работе сопоставление языковой репрезентации молчания в русском языке демонстрирует многообразие способов выражения коммуникативных действий молчащего человека. Поскольку центральная роль в передаче степени и значимости молчания отводится глаголам, на передний план выводятся их сочетаемость, семантико-стилистические особенности и частотная динамика.

Эта часть исследования демонстрирует тонкие оттенки восприятия и прагматики молчания, связанные в русской лингвокультуре с определенными поведенческими, социальными, этическими и эмоциональными обстоятельствами (с.153) и подтверждает сохранение в современном русском языке исторически сложившейся традиции выражения идеи молчания единицами *молчание, безмолвие, тишина, тишь, ничто, пустота, пауза* (с.154). Привлечение для подтверждения национальной специфичности полученных результатов языкового материала испанского языка (с.162-163) представляется обоснованным и продуктивным, поскольку способствует проявлению на этом фоне категориальной и лингвокультурной природы репрезентации молчания в русском ментально-языковом пространстве.

Анализ прозаического материала дополняется данными бытовой коммуникации, в которой ярко проявляются лингвокультурные особенности, в том числе и функции молчания (с. 214-275). В результате эксперимента, проведенного с носителями русской и испанской лингвокультур, было установлено, что в рамках речевого взаимодействия в типичных обиходных ситуациях у молчания выявляются возможности выражать агрессию, вежливость или толерантность по отношению к собеседнику. Так, осознанной линией поведения речевого агрессора оказывается преднамеренное молчание (с.227), при этом оценки ситуации как агрессивной или неагрессивной в двух лингвокультурах определяются социокультурными нормами поведения (с.227, 231).

Представленный краткий обзор работы показывает, что Т. Р. Копылова решает целый ряд сложных проблем: определяет категориальные признаки молчания как компонента коммуникации, вырабатывает терминологический аппарат для описания особенностей этой категории, доказывает ее лингвокогнитивную природу, предлагает и демонстрирует на практике алгоритм анализа репрезентаций молчания в материале. Также в работе предложены критерии выявления национальной специфичности молчания, репрезентируемого в конкретной лингвокультурной среде. Все это логически подводит к осмыслению молчания как «ментальной единицы языковой картины мира» и как «компонента коммуникативного поведения» (с.11), то есть как «многоуровневого ментального образования» (с.12).

Полагаем, что **важными выводами** исследования являются следующие: 1) о том, что коммуникативное молчание как компонент коммуникативного взаимодействия «передает информацию о молчащем коммуниканте, интерпретируется участниками данного взаимодействия и может способствовать коммуникативному процессу» (с.277); 2) о том, что молчание как универсальная категория человеческого общения «наиболее полно раскрывается в координатах национальной культуры» (с.278); 3) о том, что «в русской лингвокультуре молчание – это сложное многоструктурное

образование, обладающее богатой и разнообразной языковой фиксацией, в которой отражены <...> специфика русской культуры и русское коммуникативное поведение» (с.279); 4) о том, что код молчания «формируется исторически под воздействием множества факторов, отражает ментальные особенности, зафиксированные в языке» (с.279).

Все это позволяет утверждать, что заявленная цель исследования Т. Р. Копыловой достигнута, задачи решены. К числу **основных результатов исследования**, по нашему мнению, относятся: доказательство принципиальной возможности рассматривать молчание в коммуникации как предмет лингвистического исследования; разработка научно-понятийного аппарата для описания молчания как лингвокогнитивной категории; демонстрация способности молчания маркировать деструктивное и конструктивное национальное речевого поведение; выявление роли молчания как структурообразующего элемент в типичных моделях взаимодействия, в бытовом общении.

Достоверность и обоснованность полученных выводов и результатов обеспечивается адекватной методологией, теоретической базой исследования, репрезентативностью, разнообразием проанализированного материала, а также серьезной апробацией, которую прошла работа.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно вносит вклад в теорию коммуникации, в разработку теоретических положений теории интерпретации смыслов, заполняет лакуны в теоретическом осмыслении феномена молчания как значимого компонента национальной лингвокультуры; на сопоставительном языковом материале развивает методику анализа репрезентации национальной ментальности в языковой деятельности.

Результаты исследования имеют **практическую значимость**, поскольку могут быть использованы в курсах лингвистики текста, сопоставительной и исторической стилистики, теории перевода, при подготовке специалистов по лингвокультурологии, в практике преподавания русского языка.

Выработанные теоретические положения и методики найдут применение в лингвокогнитивных исследованиях и в работе с художественным текстом.

В целом высоко оценивая научный статус оппонируемой работы, остановимся на некоторых замечаниях и вопросах. Они сводятся к следующему:

1) В тексте диссертации встречается термин *концепт* (с.58, 62-63, 147, 207, 211), который, как представляется, соотносится в разных контекстах с ментальной, языковой, культурной, философской сферами. Представляется, что понимание этого термина требует уточнения.

2) Глаголы, фиксирующие ситуацию молчания в русском и испанском языках (с.193-194), различаются не только структурно, но и стилистически: единицы *замалчивать (кого)*, *намолчатся*, *отмолчатся* экспрессивны, имеют разговорную окраску. Учитывался ли этот фактор при анализе?

3) В работа показано, что в бытовой коммуникации молчание выступает в роли нулевого маркера агрессии, толерантности или вежливости адресанта, при этом отмечена сложность разграничения толерантности и вежливости, также экспериментально выявлена «частотность толерантного речевого поведения как ответа на вежливость преимущественно в городской коммуникативной среде» (с.272). К сожалению, что эта мысль не получила более подробного развертывания, хотя вывод представляется перспективным для выработки критериев толерантного языкового поведения.

Высказанные соображения имеют дискуссионный характер, не затрагивают фундаментальных положений работы и не умаляют ценности оппонируемого исследования. Автореферат и публикации полностью отражают содержание работы. Исходя из вышеизложенного можно сделать следующее заключение:

Диссертация, представленная на соискание доктора филологических наук, «Молчание как лингвокогнитивная категория» соответствует паспорту специальности 10.02.19 – Теория языка, в полной мере отвечает требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденном

Постановлением Правительства от 24 сентября 2013 года №842 с последующими изменениями, предъявляемым к докторской диссертации, а ее автор Татьяна Рудольфовна Копылова заслуживает присвоения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Против включения персональных данных, указанных в отзыве, в документы, связанные с защитой диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «СПбГУ»

Н. В. Пушкарева

__11 мая__ 2022 года

Пушкарева Наталия Викторовна, доктор филологический наук (специальность 10.02.01 – Русский язык), доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб. 11, ауд. 195

Официальный сайт университета: <https://spbu.ru/>

Тел.: раб.: +7(812) 328-94-25

E-mail: n.pushkareva@spbu.ru

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ

ХОМУТСКАЯ Л. П.

